

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ВОЛГО-КАМЬЯ

**Казань
Мастер Лайн
2002**

УДК 93/99
ББК 63.3(235.54)
В74

Ответственный редактор: **Е.П.Казаков**
Редколлегия: **С.И.Валиулина, Р.М.Валеев, Р.С. Хакимов**
Ответственный за выпуск: **Р.Р. Хайрутдинов**

В74 Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001 г. /
Е.П.Казаков. — Казань: Изд-во "Мастер-Лайн", 2001. — 188 с.

ISBN 5-93139-137-1

ISBN 5-93139-137-1

© Казанский государственный университет, 2001
© Институт истории АНТ, 2001

ВКЛАД Е.А.ХАЛИКОВОЙ В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОЙ УДМУРТИИ

Средневековым древностям Южной Удмуртии повезло меньше, чем ананьинским или пьяноборским. Целенаправленно их стали изучать значительно позже, так как из-за своей специфики – менее выразительные, да и более рассеянные по территории – они не сразу обратили на себя внимание, хотя впервые стали объектом изучения еще до революции 1917 г. В 1882 г. Г.Н.Потаниным были проведены небольшие раскопки на Верхнеутчанском городище и осмотрены Варзятчинские городища на юге Удмуртии (22, с.308–311). Городища по рр.Иж и Тойма обследовал в конце 80-х гг.А.А.Спицын и отметил их вотское (удмуртское) происхождение (25, с.1–38). В 1893–1894 гг. Ф.Д.Нефедов провел небольшие раскопки на Нырғындынском I (Ола-Курук, Ильнешском) городище и осмотрел несколько памятников в бассейне р.Тоймы (14, с.42–75). Благодаря Л.И. Беркутову в начале XX в., наряду с ананьинским и пьяноборским, пополнялся и средневековый материал (3, с.35–89). В 1936 г. на юге Удмуртии организовал разведочные работы А.П.Смирнов и пришел к выводу, что эта территория была мало заселена и ее освоение относится лишь к X – XII вв. (24, с.110).

Существенно пополнился список известных средневековых объектов в 1954–1957 гг. в связи с работой Удмуртской экспедиции, руководимой В.Ф.Генингом (4, с.25 и др.). Важные данные были получены В.А.Семеновым в результате раскопок в Алнашском районе Удмуртии Петропавловского могильника VI – VII вв. Он открыл также несколько новых поселений этого же времени (23, с.3–50).

60–70-е гг. – время интенсивного изучения средневековых объектов Южной Удмуртии. Довольно значительные материалы получены на городище Чеганда I (5, с.141–163), Быргындинском II (2, с.160–161), Зуево-Ключевском II (6, с.86–89) и других памятниках. Большие исследовательские работы проведены Т.И.Останиной на средневековых городищах, Кузубаевском I, Староигринском, Постольском, Сосновском и др. (16, с.192; 17, с.194–195; 18, с.163–164; 19, с.170; 20, с.190).

В 70-х гг. исследования начала Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского университета под руководством Р.Д.Голдиной. Коллективом этой экспедиции в Южной Удмуртии было организовано более 30 разведочных маршрутов, что способствовало результативным раскопкам. Наибо-

лее значительные результаты получены Т.К.Ютиной, целенаправленно изучавшей средневековые памятники Южной Удмуртии. Под ее руководством раскопаны Верхнеутчанское, Благодатское I, Варалинское, Варзи-Пельгинское городища и другие памятники (31, с.181–182; 32, с.53–66; 35, с.163–164; 36, с.219).

Верхнеутчанская культура (VI – IX вв.) располагалась в южной части Камско-Вятского междуречья, включая бассейны правобережных притоков р.Камы: Сивы, Ижа, Тоймы, а также верховья р.Валы – притока р.Кильмези. Выделена и исследована в 80-90-е гг. Т.К.Ютиной (33, с.71–94; 34, с.174; 37, с.109–111; 38, с.123–127; 39). Известно около 100 памятников этого времени. Среди них более 30 неукрепленных поселений-селищ, которые занимали обычно невысокие мысы. Площадь их весьма вариативна: 250–6000 кв.м. Селища группировались вокруг городищ, которые располагались, как правило, на предшествующих ананьинско-чегандинских. Мощностъ культурных слоев – 0,1–1,5 м. Среди городищ Т.К.Ютиной выделены административные центры, убежища, сторожевые крепости.

Городище на одном из правобережных притоков р.Тоймы у с.Верхний Утчан Алнашского района Удмуртии, давшее название выделенной культуре, исследовано Т.К.Ютиной (32, с.53–66). Обнаружены остатки наземных сооружений, зольники, хозяйственные ямы и остатки металлургического производства: шлаки, литейная форма, пинцет, тигель и льячка для разлива металла. Среди находок – бусы, пряжка, подвеска, накладка, кольчужное кольцо, наконечники стрел из кости, глиняные пряслица, железное шило, рыболовные крючки, ножи и другие вещи. Интересный материал, свидетельствующий об оригинальном бронзолитейном производстве, был собран Т.К.Ютиной при раскопках Благодатского I городища.

Из могильников верхнеутчанской культуры пока исследован лишь один – Петропавловский (23, 1976, с.3–50). Он находится на высокой террасе р.Голышурминки, правого притока р.Ижа в д.Петропавловке Алнашского района Удмуртии. Здесь исследовано 28 захоронений VI–VII вв. Могилы располагались нечеткими рядами и группами. Ориентировка могильных ям двух видов – широтная и меридиональная. Глубина ям небольшая – 0,38–0,76 м. Размеры их соответствуют размерам погребенных людей. Зафиксированы два обряда погребения: труположение в гробовище, вытянуто на спине (17 захоронений) и трупосожжение на стороне, без вещей, причем остатки праха ссыпали в гроб и довольно компактной массой (9 случаев). Украшения и сопровождающий инвентарь бросали в могилу по мере ее засыпания. Характер находок от способа захоронения не зависел.

На Петропавловском некрополе собрано большое число поясной гарнитуры: пряжек, различных вариантов геральдических накладок, наконечников ремней. Встречались также сердоликовые и стеклянные бусы, височные подвески, нагрудные подвески, пронизки, шейные гривны, различные бляшки, фибулы и другие вещи. Многочисленны железные предметы: наконечни-

ки стрел, удила, шило, ложкарь, скобели, серпы, наконечники копий. Несмотря на достаточно разнообразный погребальный инвентарь, шесть могил оказались без вещей. При этом в двух из них умершие были погребены по способу трупоположения, в четырех – трупосожжения.

Из единичных находок верхнеутчанской культуры интерес представляет бронзовая культовая пластина размером 10х18,2 см, найденная А.А.Спицыным в 1898 г. возле д.Ныргында. А.А.Спицын написал о ней: “великолепная поделка... огромный весьма типичный ящер, длинный, изогнутый, с коротким пушистым хвостом и короткими лапами, на сильно вывернутой нижней челюсти и на шее – волосы, верхняя челюсть иззубрена. По туловищу семь рыб для обозначения водного существа. Сульде (человеко-лось) со сложенными вперед ногами, также очень типичен: крылья длинные, трехперые с глазками. Из головы сульде, головы и крестца ящера выступают длинные головы лося с выступающими из них фигурами кричащих птиц; у голов лося перистые уши и подбородки, у птиц перистые бока и уши. Отдельные головы: две человеческие и 11 звериных, группами и в одиночку” (26, с.52). Эта пластина представляет собой один из выдающихся образцов пермского звериного стиля, расцвет которого падает на эпоху раннего средневековья. С точки зрения художественной композиция совершенна: мастер не только воплотил в бронзе сложные многофигурные элементы, но и живо передал стремительность движения, полета всех составляющих его фигур. Ныргындинский ящер датируется VI–VIII вв.

На верхнеутчанских памятниках Т.К.Ютиной выделено несколько комплексов глиняной посуды (39, с.9–10). Собственно верхнеутчанский, местный, обзванный происхождением чегандинско-мазунинскому, тип керамики имеет преимущественно характерную, довольно низкую округлодонную чашевидную форму с разными вариантами оформления горловины: профилированную открытую и закрытую, а также непрофилированную прямостенную. Глиняное тесто этой посуды содержит традиционно камские примеси: толченую речную раковину, шамот, растительные остатки в разных сочетаниях. Однако поверхность их не так тщательно заглаживалась, как в ананьинско-чегандинское время. Орнамент нанесен по верхнему срезу горловины сосудов в виде насечек, одного, или нескольких рядов вдавлений различной формы по шейке. Около 40% посуды не орнаментировано.

На памятниках Южной Удмуртии второй половины I тыс. н.э. встречается и посуда бахмутинского типа, распространенного в основном на территории Башкирии. Она представляла собой круглодонные округлобокие сосуды с оформленной горловиной, содержащие в глиняном тесте примесь песка или мелкого галечника, сплошь украшенные редкими, чаще круглой формы, ямочками. Появление их на правобережье р.Камы – результат начавшегося давления на удмуртское население со стороны бельского бассейна турбаслинских и романовских групп, появившихся там в VI в. Бахмутинцы, поселяясь на правобережье р.Камы, попадали в родственную среду и жили совместно с верхнеутчанцами на одних поселениях.

Наряду с местными типами керамики на верхнеутчанских памятниках найдены и инородные. Среди них довольно многочислен именьковский. По данным П.Н.Старостина, именьковское население заняло устье Камы и прилегающее Поволжье, дойдя по правобережью р.Камы до устья р.Вятки (27, табл.1). Т.К.Ютина выявила в Южной Удмуртии, преимущественно на камском побережье и в бассейне Тоймы, 14 пунктов с находками именьковской керамики, что отражает процесс прямого внедрения этого иноязычного населения в древнеудмуртскую среду. Наиболее значительная коллекция именьковской посуды происходит с Благодатского I городища в Алнашском районе Удмуртии. Именьковская посуда – это плоскодонные сосуды с раздутым туловом, профилированной горловиной, почти не имеющие орнамента или украшенные насечками по венчику. Глиняное тесто содержит примесь шамота или песка. Наряду с посудой грубой выделки встречаются тонкостенные горшки с хорошо заглаженной поверхностью.

Именьковское население и его предшественники, оставившие славкинский и лбищенский типы памятников в Поволжье, представляли собой наиболее крупный массив древних славян, который оказал мощное воздействие на пермян. У именьковцев были хорошо развиты железоделательное и бронзолитейное производства, а также животноводство. Они разводили новые, более крупные породы крупного рогатого скота южного происхождения, у них было очень популярно овцеводство, умели разводить верблюдов (21, 1984, с.140). Особенно прогрессивным, нежели у финно-угорского населения, было пашенное земледелие: на поселениях, кроме сошников, часто находят косы-горбуши, серпы, мотыги, лесорубные топоры. Из культур возделывали пшеницу, просо, рожь, овес, полбу, ячмень, горох. Не случайны поэтому на пермских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья именьковского времени массовые находки кос, серпов, мотыг (клад из 186 мотыг на Буйском городище и др.). Пребывание именьковцев отразилось и в языке пермян: В.В.Напольских нашел в пермских языках заимствования из диалектов позднепраславянского и считает возможным соотносить их носителей с населением именьковской культуры (12, с.197–206). Эту же идею развивал и Р.Ш.Насибуллин (13, с.76–79).

Следующей инородной группой населения, привнесшей на верхнеутчанские поселения очень своеобразную посуду, было угорское население кушаренковского типа. Керамика отличается тщательной выделкой, хорошей заглаженностью поверхности, тонкостенностью, своеобразной формой – шаровидным или несколько вытянутым туловом, высоким, прямым горлом. Орнамент покрывает верхнюю половину сосуда и состоит из нескольких тонких горизонтальных линий, перемежающихся зонами с вертикальным узором в виде наклонных оттисков гребенчатого и фигурного штампов, елочки, зигзагов. Посуда настолько оригинальна, что даже небольшие фрагменты позволяют ее идентифицировать достаточно точно. Проанализировав этот тип керамики, найденный на 9 памятниках правобережья Камы: Благодатском I

городище (около 400 фрагментов), Кузубаевском I, Чеганда I городищах, Луговском, Петропавловском могильниках, Верхнеутчанских городище и селище, Варзятчинском I городище и селище, О.А.Казанцева и Т.К.Ютина (10, с.110–129) пришли к выводу, что эта посуда дополняла местную, верхнеутчанскую. Кроме того, картографирование кушнаренковской посуды (там же, рис.1) показало, что носители ее, заняв преимущественно левобережье Белой, расселились и на юго-восточной периферии верхнеутчанской культуры. На правом берегу р.Белой, как и в Нижнем Прикамье кушнаренковские памятники единичны.

В последние годы пришлый характер кушнаренковцев никем не оспаривается. Большинство исследователей видит их истоки в лесостепной части Зауралья и Западной Сибири, где известны памятники этого же времени, оставленные потчевашским и молчановским населением, которое связывают с древними уграми. Причиной их переселения в Приуралье, в частности, В.А.Могильников считает нестабильную обстановку из-за набегов воинов Первого тюркского каганата (11, с.27). Время прихода кушнаренковцев в Приуралье – рубеж VI–VII вв. Кушнаренковцы, пройдя по Южному Уралу, дошли по р.Белой до Нижней Камы и здесь были остановлены именьевским и пермским населением. Смешанные материалы верхнеутчанских поселений показывают, что кушнаренковцы и южные пермяне довольно интенсивно контактировали.

По мнению В.А.Иванова (8, с.61), в середине VIII в. имела место еще одна волна западносибирского угорского населения, известного под названием караякуповского. Исходный их район – та же зауральская лесостепь. Они прошли через Южный Урал и были вынуждены остановиться в предгорных и горно-лесных районах Южного Приуралья, где и оставили памятники этого типа. Постепенно кушнаренковско-караякуповское население просачивалось по левобережью и в низовья Камы, но путь ему преградили сначала именьевцы, а затем и булгары, занявшие их территорию.

Однако некоторые следы пребывания здесь угров все-таки сохранились. В 1974–1975, 1978 гг. возле с.Большие Тиганы недалеко от устья на левом берегу р.Камы Е.А.Халиковой был исследован бескурганый могильник, состоящий из 56 могил (40, 1981, с.3–132). Среди них обнаружено несколько богатых мужских воинских захоронений, вокруг которых группировались остальные: женские и небогатые мужские. Кроме многочисленных украшений, поясной гарнитуры, орудий труда, конской сбруи, найдены и богатые наборы оружия: мечи, сабли в серебряной оправе. Примечательно, что глиняная посуда этих погребений относилась к характерному кушнаренковско-караякуповскому типу. Часть умерших сопровождается лошадиными головами, иногда вместе со шкурой (сохранились череп, кости ног, хвостовые позвонки). Памятник датирован концом VIII–IX вв. (29, с.178).

В результате сопоставления материалов этого могильника и венгерских “эпохи завоевания родины”, проведенного Е.А.Халиковой, установлена их

близость и доказано, что Больше-Тиганский могильник является не просто угорским, но древневенгерским (29, с.158–178; 30, с.141–156). Таким образом, и население кушнареновско-караякуповской культуры представляет собой далеких родственников современных венгров. По антропологическим данным Больше-Тиганский могильник занимает обособленное место. Однако, антропологи отмечают сходство черепов X в. с территории Венгрии с саргатскими и ранне-булгарскими материалами (Больше-Тарханский и Кайбельский могильники) (7, 1991, с.64).

Вероятно, появление в Поволжье в конце VII – середине VIII в. воинственных тюркоязычных булгар и, начавшееся соперничество за земли с древними венграми-кушнареновцами, послужили причиной миграции последних на юго-запад в местность Леветию, находящуюся вблизи Хазарии, а затем в Ателькузу. Около 896 г. для венгров началась “эпоха завоевания родины”, они закрепились на современной территории в Паннонии. Видимо, не все угры ушли из Приуралья, так как известны отдельные находки кушнареновских сосудов и погребений, датируемых IX–X вв. (9, с.131–133). Да и собственно Больше-Тиганский могильник принадлежал, видимо, одной из оставшихся в Прикамье групп. Они довольно долго сохраняли свой язык, о чем говорят свидетельства венгерского монаха-доминиканца Юлиана, предпринявшего путешествие в 1235–1236 гг. с целью найти своих соплеменников на далекой родине. Он нашел их в двух днях пути от большого булгарского города (1, с.81). Оставшиеся в Приуралье венгерские группы, скорее всего, вошли в состав формирующегося Булгарского государства.

Контакты пермян с протовенграми отразились и в языке. И в венгерском и в пермских языках имеется некоторое число общих слов “хлеб”, “порог двери”, “серебро”, а также зафиксированы интересные совпадения в морфологии и фонетике языков (15, с.99; 28, с.194).

Благодаря научной деятельности Е.А.Халиковой некоторые аспекты древней истории населения Южной Удмуртии в эпоху средневековья приобрели вполне доказанную и оригинальную оценку.

Елена Александровна Халикова прожила короткую, но яркую жизнь. Ее отличали не только любовь к археологии, увлеченность выстраданной идеей, но и критическая оценка фактов, их глубокое осмысление, а также постоянный, неутомимый поиск новых аргументов в подтверждение своей концепции.

Примечания:

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический архив. Т.III. М.–Л., 1940.
2. Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
3. Беркутов Л.А. Разведки и раскопки, проведенные по поручению Сарапульского земского музея. Сарапул, 1914.

4. Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.
5. Генинг В.Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время // ВАУ. Вып. 7. Ижевск, 1967.
6. Голдина Р.Д. Исследования памятников Южной Удмуртии в 1969–1970 гг. // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.
7. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М, 1991.
8. Иванов В.А. Magna Hungaria – археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.
9. Казаков Е.П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
10. Казанцева О.А., Ютина Т.К. Керамика кушнаренковского типа Благодарского I городища // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986.
11. Могильников В.А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.
12. Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996.
13. Насибуллин Р.Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордскем Кыл, №2, 1992.
14. Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893–1894 гг. // МАВГР. Т.3. М, 1899.
15. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
16. Останина Т.И. Экспедиция Удмуртского республиканского музея // АО–1977. М., 1978.
17. Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского музея // АО–1978. М., 1979.
18. Останина Т.И. Работы Удмуртского республиканского музея // АО–1979. М., 1980.
19. Останина Т.И. Раскопки Староигринского городища // АО–1981. М., 1983.
20. Останина Т.И. Раскопки около с.Кузубаево // АО–1986. М., 1988.
21. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1984.
22. Потанин Н.Г. Городища близ деревень Утчан и Варзи-Ятчи (Елабужского уезда Вятской губернии) // Известия и ученые записки Казанского университета. Т.18, №3–4. Казань, 1882.
23. Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.
24. Смирнов А.П. Обследование р.Валы // Археологические исследования в РСФСР, 1934–1936 гг. М.;Л., 1941.
25. Спицын А.А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края / КВГ на 1890 г. Вятка, 1889.

26. Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА РАО. Т.8, вып.1. СПб, 1906.
27. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып.Д1–32. М., 1967.
28. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
29. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. №2. М., 1976.
30. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья / СА. №3. М., 1976.
31. Ютина Т.К. Исследования в Южной Удмуртии //АО–1981 г. М., 1983.
32. Ютина Т.К. Исследования 1980 г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып.1. Ижевск, 1984.
33. Ютина Т.К. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып.2. Ижевск, 1984.
34. Ютина Т.К. Этническая история древнего населения Южной Удмуртии в I тыс. н.э. (на англ. яз.) // VI междунар. конгр. финно-угроведов. Сыктывкар, 1985.
35. Ютина Т.К. Исследования средневековых памятников в Прикамье // АО–1984 г. М., 1986.
36. Ютина Т.К. Исследования Варалинского городища // АО–1985 г. М., 1987.
37. Ютина Т.К. Этническая история древнего населения Южной Удмуртии в I–II тыс. н.э. // XVII Всесоюз. финно-угорская конф. Ижевск, 1987.
38. Ютина Т.К. Направление и характер культурных контактов населения Южной Удмуртии Среднего Прикамья в эпоху средневековья // Congressus septimus internationalis finno-ugristarum / Sessiones sectionum. Debrecen, 1990.
39. Ютина Т.К. Археологические памятники VI–XIV вв. Южной Удмуртии: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Ижевск, 1994.
40. Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981.